

не бросать въ него гнилыми яйцами, его забрасывали дипломами и вѣнками.

У Ирвинга не был ни гроша, когда онъ взялъ на себя дирекцію театра «Лицеумъ», который превратилъ въ домъ Шекспира. Онъ нажилъ имъ миллионы и растратилъ цѣлое состояніе. Для постановки «Данте» Викторьена Сарду онъ не колеблясь затратилъ почти 130.000 рублей. Талантъ Ирвинга можетъ быть охарактеризованъ однимъ словомъ: простота. Мало жестовъ, мало возгласовъ. «Артистъ,—говорилъ онъ часто,—долженъ помнить, что онъ фигура въ общей картинѣ и что малѣйшее преувеличеніе нарушаетъ гармонию; но у сцены своя специальная оптика, тамъ все увеличено. Салонный разговоръ не произведетъ никакого эффекта. Искусство есть только иллюзія; оно не создаетъ, а довольствуется тѣмъ, что заставляетъ чувствовать.

Послѣдніе годы его жизни были омрачены. Успѣхъ никогда не похищалъ артиста, но Ирвингъ тратилъ безъ счета. Во время своего турне по Америкѣ онъ заработалъ полмилліона долларовъ, но приемы друзей, ужины, невѣроятно роскошная обстановка комнатъ, все это стоитъ дорого. И, конечно, Генри Ирвингу было больно играть въ «Лицеумѣ», продавъ его акціонерному обществу. Онъ пережилъ пожаръ складовъ декораций своего театра: сорокъ четыре пьесы были разрушены! Полное разореніе! Но Ирвингъ не палъ духомъ, онъ боролся до конца и умеръ, выходя со сцены, явивъ гордый примѣръ энергіи своимъ двумъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ переводчикъ и драматическій писатель (авторъ драмы «Петръ Великій»), другой актеръ, какъ отецъ. Ирвингъ позналъ славу, почетъ, владѣлъ миллионами и умеръ нищимъ.

* * *

Символизмъ во Франціи. Замѣчательная книга Роберта Зуца «De nous en sommes. La victoire du silence» нѣсколько неясна по своему заглавію для тѣхъ, кто еще не познакомился съ ней. Эта историческая, апологетическая книга не есть произведеніе одного человѣка, она выражаетъ взгляды цѣлой группы лицъ, докладчикомъ которыхъ является Робертъ Зуца. Весьма вѣроятно, что во Франціи она вызоветъ оживленные споры, потому что враги символизма не захотятъ остаться побѣжденными и, конечно, возобновятъ свои натиски еще сильнѣе. Для насъ, стоящихъ вдали отъ поля битвы, произведеніе Роберта Зуца является прежде всего историческимъ документомъ.

Отличительной чертой во французскомъ символизмѣ является то, что главные представители его принадлежатъ къ германской или вообще къ сѣвернымъ расамъ: Метерлинкъ, Верхарнъ, Шарль ванъ-Лербергъ—природные фламандцы; Альбертъ Заменъ былъ сѣвернымъ французомъ, по матери также фламандецъ, равно какъ и Верлэнъ, который происходилъ родомъ изъ Лотарингіи и носилъ фламандское имя; фламандскую кровь долженъ имѣть также и Леонъ Диркъ, такъ какъ его имя чисто фламандское; Альбертъ Моккель принадлежитъ къ нѣмецкому роду; Густавъ Канъ—нѣмецкій еврей; Марсель Швабъ свое происхожденіе доказываетъ своимъ именемъ; Стюартъ Меррилль—американецъ; Генри де-Ренье—французскій аристократъ и, какъ вообще французское дворянство, не чуждъ германской крови, точно также и французъ-сѣверянинъ Артуръ Риббо. Это явленіе, впрочемъ, не такъ уже удивительно. Въ важныя эпохи французской литературы всегда оказывалось это воз-

дѣйствіе сѣвера на югъ, а также франко-нормандскаго элемента на галловъ. Расинъ, Корнель, Мольеръ — всё сѣверяне; Ронсаръ, ди-Белле были аристократы; Шарль Орлеанскій и Маргарита Наваррская — даже королевской крови. Это важное значеніе сѣвера съ его германскими элементами призналъ уже графъ Гобино, который самъ гордился происхожденіемъ отъ германцевъ и доказалъ это въ своемъ сочиненіи о расахъ; то же самое для Италіи и ея Ренессанса сдѣлалъ профессоръ Вольтманъ. Насколько значительная часть населенія Франціи — сѣверяне и дворянство — являются германцами, доказывается тѣмъ, что Шамиссо однимъ французомъ, посѣтившимъ Берлинъ, былъ принятъ за настоящаго нѣмецкаго ученаго, такъ что онъ старался въ разговорѣ съ нимъ оттачивать нѣмецкія фразы, пока ихъ общій знакомый не предложилъ имъ перейти на родной языкъ. Этимъ самъ по себѣ ослабляется упрекъ противъ французскаго символизма въ томъ, что онъ не націоналенъ. Дѣйствительно, экзотическіе элементы, имѣющіеся въ каждой литературѣ, имѣются у символистовъ, также какъ и у тѣхъ, кто является представителями чистаго «галльскаго» или «латинскаго» духа. У тѣхъ грекъ Мореасъ (собственно Пападіамантопулосъ), португалецъ Робертъ де-Зуца, у этихъ испанецъ Эредіа и португалецъ Катюллъ Мандесъ. Изъ выдающихся современныхъ французскихъ поэтовъ упомянемъ графиню Елену Вакареско, румынку, а также графиню Матъе де-Ноэллесъ, урожденную принцессу Бибеско. Самъ Франсуа Коппе, націоналистъ *хатебоху*, происходитъ изъ бельгійской фамилии.

Двадцать лѣтъ тому назадъ во Франціи реакція противъ пустоты романтической литературы эпигоновъ и односторонняго натурализма въ смыслѣ выше охарактеризованнаго символизма положила основаніе образованію маленькихъ группъ приверженцевъ отдѣльныхъ сильныхъ личностей, какъ Малларме и Поля Верлена. Въ 1882 г. въ Брюсселѣ былъ основанъ органъ молодыхъ «La jeune Belgique» съ девизомъ «*Soyons poés!*», и это было единственной программой молодыхъ какъ бельгійцевъ, такъ и парижанъ. Большимъ вліяніемъ пользовались Вагнеръ Ибсенъ и прерафаэлиты; выдающимися величинами изъ соотечественниковъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ поэтовъ, были Леконтъ де-Лиль, Леонъ Диркъ и болѣе всего Бодлэръ. Съ Теофиломъ Готье ихъ связала высокая оцѣнка искусства, которымъ они хотѣли наслаждаться ради его самого (искусство для искусства), съ Альфредомъ Мюссе — индивидуализмъ. Главнымъ упрекомъ противъ нихъ было то, что они оставались чуждыми жизни, наукѣ, общественности и знали только свои фантазіи и причуды и склонны были къ абсурду, отрицанію жизни, противоестественности. Робертъ де-Зуца указываетъ, напротивъ, на то, что большая часть поэтовъ-символистовъ въ жизни были практиками, одинъ изъ нихъ былъ врачомъ, другой земледѣльцемъ и мэромъ своего округа, одинъ дипломатомъ, а одинъ даже фабрикантомъ автомобилей; Метерлинкъ, Верхарнъ и ванъ-Лербергъ — всё трое занимались адвокатурой. Въ области науки одинъ былъ ботаникомъ, другой математикомъ, химикомъ, физикомъ; Реми де-Гурмонъ и Эдуардъ Дюжарденъ издавали техническій журналъ «*La Revue des Idées*». Метерлинкъ не только драматургъ и лирикъ, но также и авторъ единственныхъ въ своемъ родѣ философскихъ сочиненій и прекраснаго труда «Жизнь пчелъ». Шарль ванъ-Лербергъ и Вилэ воспѣвали только

солнечные, ясные дни, жизнь, какъ въ Аркадіи, въ чистотѣ и красотѣ, и не отрицаніе жизни, а радостную привязанность къ жизни. Кто познаетъ вѣчное въ повседневномъ, тотъ не можетъ растеряться въ мелочахъ этого повседневнаго. Но этотъ главный упрекъ, направленный противъ содержанія символическихъ произведеній, почти отступаетъ назадъ передъ упрекомъ противъ внѣшней формы, противъ *vers libre* (бѣлаго стиха). Но не благодаря этимъ поэтамъ была нарушена французская метрика, а благодаря общеизвѣстному подражанію нѣмецкимъ и англійскимъ образцамъ въ ихъ свободѣ слѣдовать не данной метрической схемѣ, а внутренней мелодіи стиха. Французская литература переживаетъ въ настоящее время переходный періодъ, и это ведетъ къ нѣкоторой неустойчивости, какъ, напримѣръ, возвращеніе Анри де-Ренье и Жана Мореа отъ своихъ *vers libres* къ болѣе «классическимъ» размѣрамъ стиха, затѣмъ Альбертъ Заменъ соединилъ новѣйшіе приемы съ парнасской метрикой. Извѣстныя эксцентричности, безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени исчезнутъ. Во всякомъ случаѣ *vers libre* является большимъ обогащеніемъ для французской поэзіи. Въ качествѣ новой формы онъ чрезвычайно возбуждаетъ поэтовъ, и такимъ образомъ періодъ отъ 1885 до 1905 г. является однимъ изъ плодотворнѣйшихъ во французской литературѣ, особенно въ лирикѣ, но, впрочемъ, также и въ области драмы и повѣсти.